

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Древние племена
готов оставили на
Керченском полуострове
бесценное сокровище,
за которым до сих пор
охотятся современные
кладоискатели...

Ольга БАСКОВА

Наследство племени ГОТОВ

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Наследство племени готов

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Наследство племени готов / О. Баскова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-104432-9

Царица Федея, правительница племени готов, была отважной воительницей, но ее погубила страсть к прекрасному юноше. После смерти Федеи вместе с нею были погребены бесценные сокровища... Солдаты Третьего рейха были готовы на все, чтобы завладеть наследством готов, но следы большого черного чемодана, вывезенного из Керченского музея, потерялись в окрестностях станции Безымянной в партизанском отряде... Дед частного детектива Виталия много лет назад работал в НКВД и занимался поисками того самого черного чемодана с сокровищами готов. Возможно, именно из-за него девяностолетнего деда и убили...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104432-9

© Баскова О., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ольга Баскова

Наследство племени готов

© Баскова О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие

Крым, I век н. э.

Давно это было, так давно, что многие считают эти события почти легендарными.

Однажды к Крымскому полуострову причалили три деревянных корабля. Высокие крепкие люди с жесткими белыми волосами и голубыми глазами, в льняных одеждах, со стальными мечами и доспехами, сошли на берег, всем своим видом показывая, что они собираются обосноваться здесь надолго. И действительно, готы – их так называли – основали свое царство в высоких неприступных горах Мангуна, защищавших его, как крепостные стены, и стали расширять поселение, совершая грабительские походы на соседей.

Не только мужчины, но и женщины – высокие голубоглазые амазонки – прекрасно владели оружием. Да, драться на тяжелых мечах многим из них было не под силу (хотя им ничего не стоило изрубить противника секирами), но в стрельбе из лука или метании дротиков многие превосходили своих мужей.

И свершилось чудо! Чужеземцы, не щадившие в своих нападениях ни стариков, ни детей, заставили себя бояться. Они уничтожили Скифское царство, отогнали римлян, прочно укрепившись на благословенном полуострове. Набеги принесли им столько золота, сколько они никогда не видели. Знать хранила его в своих сундуках, нисколько не дорожа сокровищами. Кладовые готских царей ломились от золота и драгоценных камней.

Насытившись кровавыми походами, готы немного расслабились, начали укреплять дома, распахать земли, разводить скот, в мгновение ока превратившись в мирных жителей. Однако соседи, изгнанные с насиженных мест, не собирались просто так сдавать свои позиции. Они выжидали удобный момент, когда царь готов, умный и храбрый воин, внезапно умер, сраженный тяжелой болезнью, и напали на германцев, угрожая изгнанием с насиженных земель.

Знатный гот Филомер созвал всех на военный совет.

– Мы должны выбрать нового предводителя, – сказал он и осмотрел хмурых мужчин и суровых женщин. – Помните: новый царь должен быть таким же доблестным, как покойник. Есть ли среди нашего народа достойные трона?

Все молчали. Готы не были честолюбивыми. Они прекрасно понимали, что от качеств их избранника зависит судьба всего царства.

– Что же вы молчите? – спросил Филомер. – Разве среди нас нет достойного?

– О великий царь, позволь сказать слово, – вперед вышла стройная, тонкая, как тростинка, Миломена. – Мы всегда выбирали мужчин, но среди нас, женщин, тоже были великие воительницы. Одна из них сейчас стоит рядом со мной. Клянусь, нам не найти лучшей королевы.

Филомер близоруко сощурил серо-голубые глаза. Возле Миломены стояла прекрасная девушка, гибкая, как лоза, высокая, изящная, с роскошными белыми волосами, тяжелыми волнами спадавшими на плечи. Ее красивая рука с длинными пальцами и миндалевидными розовыми ногтями сжимала рукоятку кинжала, привязанного к поясу. Одежда из белого льна плотно облегла стройную фигуру. Благородное лицо с тонкими чертами выражало готовность отдать жизнь за свой народ.

– Федея? – удивился он. – Почему именно Федея?

– Во-первых, она мудра, царь, как змея, во-вторых, ловка, как серна, в-третьих, храбра и мужественна, как орлица, – отозвалась Миломена. – Поверь мне, она достойна трона.

– Что вы думаете, воины? – спросил знатный гот.

Все загалдели, закивали золотистыми головами.

– Быть Федее царицей! – крикнул самый старый седовласый воин, и ему все вторили:

– Федею царицей!

– Будь по-вашему, – решил Филомер и посмотрел на гордую девушку.

Красавица Федея вышла вперед и низко поклонилась людям. В этом поклоне было все: и благодарность, и обещание защитить народ, и готовность сложить за него гордую голову.

– Завтра мы выходим в поход. – Белесые дугообразные брови сомкнулись возле переносицы, аквамариновые глаза заматали молнии. В одно мгновение изящная девушка преобразилась в строгую амазонку. – Нужно изгнать врага с наших земель.

Воины ответили ей боевым кличем. Предложение новой царицы пришлось по нраву.

На следующий день войско царицы выступило в поход.

Федея скакала на гнедой лошади с белым пятном на лбу, в царской сбруе. Увидев вражеское войско, царица закричала:

– Вперед! – и понеслась, как вихрь, на испуганных римлян.

Словно богиня смерти, разила она их стрелами, и римляне отошли, оставили захваченные земли.

– Слава царице! – раздалось со всех сторон.

Она снова низко поклонилась народу:

– И вам слава, доблестные воины!

Вечером уставшая Федея вернулась во дворец, прилепившийся, как гнездо ласточки, к вершине горы. Там, в тишине просторной комнаты, она примерила дары, принесенные ей благодарными готами. В сундуке были золотые длинные массивные серьги, браслеты, кольца, цепочки и прекрасная диадема, украшенная сердоликами и зернышками граната. Пламя огня заиграло на гранях камней, и они, переливаясь, напомнили ей слезы, смешанные с кровью.

Федея примерила диадему. О, как шла ей эта корона!

«Жаль, не могу надевать ее в бою», – подумала девушка и уложила ее в сундук.

Завтра ее народ ждал еще один бой. И послезавтра... И много-много дней подряд.

Готы поражались новой царице. Казалось, она не знала ни страха, ни усталости, несясь на боевой лошади с дротиком или луком в руках. И отступали враги, трепетали при ее имени.

Вечером, возвращаясь в свои покои, Федея снова надевала диадему, любящая ее. Надела она ее и тогда, когда пришли послы с просьбой заключить мир.

– Не верь им, – шептал Филомер. – Они хитры и коварны.

– Но мой народ достаточно навоевался, – возразила царица. – Мы забросили поля, скотину, дома. Скоро нам нечего будет есть. Золото – это, конечно, хорошо. Но разве можно питаться одним лишь золотом? Заключим перемирие, а потом посмотрим, что делать дальше. Наш город достаточно укреплен, нас не возьмешь врасплох. Проверьте на прочность крепостные ворота.

Филомер низко склонил голову, внутренне не соглашаясь с правительницей и в то же время осознавая ее правоту. После кровопролитных боев готы всегда возвращались к мирной жизни.

– Ты права, царица, – шепнул ей молодой красивый воин Ламех, – нет тебя мудрее и краше. Как впервые увидел тебя, потерял покой. Любовь поселилась в моем сердце. Хочешь – вырви его и возьми себе. – Первый раз царице говорили такие слова. Она внимательно посмотрела на юношу и почувствовала, как бледные щеки залились краской.

Ответная стрела любви пронзила ее сердечко.

С той поры проводили они вдвоем долгие ночи. После жарких объятий, поцелуев и любовных клятв осторожно просил Ламех, чтобы она назвала его царем, но Федея не соглашалась.

– Царя выбирает народ, – возражала она ему.

– Но ты царица, прикажи своему народу. – Его лицо становилось мрачным, и Федея ласково погладила его румяные щеки.

– Разве тебе недостаточно любви царицы? И потом, кто знает, может быть, ты станешь царствовать после меня.

– Не говори так, любовь моя! – отвечал он печально, и влюбленная женщина не слышала фальши в его словах.

Шло время. Вот уже три месяца готы не знали сражений. Зазеленели распаханые поля, на них паслись тучные коровы. Колосилась пшеница, отливая на солнце золотом. Царица радовалась тишине и не знала, что против нее зреет заговор.

Ламех, оскорбленный ее отказом, тайком перешел в стан врага. Ему пообещали богатство и высокую должность. За это он согласился предать Федею, открыв ночью крепостные ворота. И вот однажды, когда готы мирно спали, послышались крики, лязг мечей, свист стрел.

Растерянный Филомер вбежал в покои царицы.

– Беда, Федея! – закричал он. – На нас напали! Кто-то открыл ворота!

– Ламех! – Не увидев рядом возлюбленного, мудрая царица все поняла.

Честолюбивый юноша решил добиться своего неправедным путем.

– Готовьтесь к бою, – приказала она, быстро накинула одежду, надела шлем на белокурую голову, взяла в руки лук и вышла из дворца.

И снова мужественная женщина разила врагов, и дрогнули они, но вдруг перед ней возник Ламех на белоснежном коне, и она опустила оружие.

– Предатель! – Царица натянула тетиву лука, но римский воин, воспользовавшись ее замешательством, нанес женщине смертельный удар в грудь.

Федея упала, как подрезанный серпом колос, обагрив землю кровью, и лишь посиневшие губы прошептали:

– Вперед!

Храбро сражались ее воины. Римлянам не удалось захватить их врасплох.

Когда закончился бой, все увидели царицу, лежащую на земле в белой одежде, пропитанной кровью. Филомер пал перед ней на колени и произнес дрожащим голосом:

– Ты была настоящая царица.

Ее решили похоронить на следующий день, вечером.

Когда на город спустились летние сумерки, свет множества факелов прорезал темноту. Жители города медленно шли к главной дворцовой площади, к погребальному костру.

По традиции готы хоронили знатных людей вместе с украшениями, и драгоценности царицы уже лежали вокруг костра в больших каменных чашах. Воины подходили к костру и складывали горками надломленное оружие, женщины ставили рядом красивые глиняные сосуды, украшенные искусным орнаментом. Возле деревянного столба стояла урна для праха царицы.

Траурная процессия тихо и печально запела.

Носилки с царицей Федей, убранные полевыми цветами, словно парили над землей. Хмурые воины поставили их на верх погребального костра и принялись раздувать пламя. Оно вспыхнуло неожиданно, словно пытаясь достать до неба, и носилки с царицей исчезли в стихии огня.

Когда все закончилось, люди в белых одеждах собрали прах, наполнили им урну, опустили ее в глубокую яму вместе с драгоценностями, среди которых, конечно, была ее любимая диадема. И никто из них не ведал, что в 1926 году житель села Марфовка Семен Нешев, добывая камень, наткнется на захоронение, найдет сокровища, потревожив прах царицы, и решит передать их в музей, а потом сильные мира сего будут ломать головы, как заполучить дра-

гоценности великой царицы Федеи, оставляя за собой кровь и слезы – точь-в-точь как камни в ее любимой диадеме.

Глава 1

Берлин, 1941 год

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер снял круглые очки, тщательно протер запотевшие стекла и снова надел.

Сегодня ему сообщили новость, которая могла поменять все, исполнить сокровенные желания его обожаемого фюрера.

Да, самым сокровенным желанием его фюрера было взять Крым и Севастополь.

Он даже сказал: «Без Крыма и Севастополя война не имеет смысла».

И эти слова были понятны для настоящих арийцев.

Гитлер хотел вернуть земли, на которых когда-то жили германские племена.

И вот доблестные немецкие войска подходили к Крымскому полуострову. Не сегодня завтра они доберутся до Керчи. До Керчи...

При мысли об этом маленьком курортном городке, в котором он не был ни разу в жизни, узкие монгольские глаза Гиммлера увлажнились, тонкие губы сложились в некое подобие улыбки.

Мечта всей его жизни, казалось, еще никогда не была так близка к осуществлению. Мечта всей жизни... Он никогда и не скрывал ее. Некоторые не разделяли его взгляды и смеялись над мечтой. А он был уверен, что за тысячи лет до Древнего Египта на земле существовала цивилизация совершенных полубогов-полулюдей – ариев.

Они обладали тайными знаниями, изучили законы природы и могли повелевать всем. Но во время Всемирного потопа арии покинули свою страну. Может быть, их потомки живут на Тибете, в Гималаях.... Может быть... Арии создали все великие достижения человечества. Их потомки, германцы, запятнали себя тем, что скрещивались, как животные, с низшими расами. Но все еще можно поправить. Можно создать истинных арийцев.

Для этого потребуются время – что ж, подождем. Немцы и так долго ждали. Он и его последователи возродят расу. У нее будет своя религия и свои реликвии.

К сожалению, реликвии разбросаны по свету, но когда немцы завладеют всем миром, они вернут все, что когда-то принадлежало их предкам.

В Керченском историко-археологическом музее хранились бесценные артефакты – украшения готской царицы Федеи, в том числе ее знаменитая диадема. Готы – предки арийцев. Следовательно, сокровища должны находиться в Германии. Так думал и его фюрер.

Однажды в Берлине Гитлер посетил выставку, где находилась коллекция из Керченского музея, и потерял дар речи, увидев прекрасную диадему царицы Федеи, из чистого золота, инкрустированного сердоликами и гранатами.

Тогда несостоявшийся художник Адольф Гитлер поклялся, что эти сокровища будут принадлежать Германии. Он обязательно создаст музей, лучше Лувра, где эта коллекция займет почетное место. Именно ей суждено стать символом превосходства арийского духа в искусстве. И это справедливо. Мудрый фюрер избирательно подходил к артефактам.

Постучав карандашом по чистому листу бумаги, Гиммлер вздохнул и вызвал своего адъютанта Фридриха Хосбаха, служившего ему верой и правдой.

На счастье адъютанта, Генрих, о котором говорили как о полубоге, все же не умел читать мыслей и потому не знал, что Хосбах выслуживался перед ним больше из страха за свою жизнь, чем из-за арийских идеалов. Он уже давно считал шефа безжалостным челове-

ком, злым духом фюрера и, будь его воля, бежал бы без оглядки, но вездесущие псы Гиммлера отыскали бы его даже на краю света.

Войдя в кабинет, адъютант выдавил улыбку, стараясь не смотреть в глаза-буравчики Генриха, казалось, просвечивавшие насквозь, как рентгеновские лучи. Он вскинул худую руку в традиционном приветствии, и Гиммлер, ответив, сурово кивнул:

– Вам известна обстановка на фронте, Хосбах?

Адъютант порадовался, что изучил все сводки.

– Войска великой Германии подходят к Крыму. Скоро мы будем владеть Черным морем.

– Вы хороший солдат, Хосбах, – отозвался рейхсфюрер, и его круглое лицо приняло гордое, торжественное выражение. – Я хочу, чтобы вы немедленно занялись созданием зондеркоманды, куда бы вошли только наши самые лучшие солдаты. – Продолговатое лицо Хосбаха не изменилось, в голубых глазах не вспыхнул интерес. Он, как настоящий солдат Рейха, стоял по струнке и внимательно слушал своего начальника. – Диверсионная группа должна оказаться в Керчи раньше, чем туда войдут наши войска.

Гиммлер встал и подошел к окну, глядя на серый мокрый асфальт.

Нудный дождь зарядил с утра, но и ему не удалось испортить настроения рейхсфюрера.

– Вы слышали, Хосбах? Раньше, чем наши войска. Поэтому я и подчеркиваю: нам нужны самые лучшие люди.

– Так, господин рейхсфюрер, – наклонил голову Фридрих. – Я понял: самые лучшие люди.

– Они должны захватить Керченский историко-археологический музей. Я надеюсь, что при достаточной расторопности это произойдет не позже, чем через два дня. Вы догадываетесь, для чего мне нужен Керченский музей? – Гиммлер знал, что его подчиненный не столь образован и вряд ли слышал о сокровищах готов, которые по иронии – именно по иронии судьбы – оказались в Советском Союзе.

– Нет, господин рейхсфюрер, – отчеканил Фридрих, не сводя с шефа преданных голубых глаз.

– В этом музее находятся сокровища, принадлежащие Великой Германии, – пояснил Гиммлер, слегка раздражаясь. – Задача зондеркоманды – захватить их как можно скорее. Видите ли, Фридрих, советское командование тоже знает им цену, поэтому, думаю, оно попытается вывезти их из города. Мы не можем это допустить. Сейчас я приготовлю приказ, в котором буду говорить как и о награждении, если группа выполнит задание, так и о наказании. Если наши люди окажутся в Керчи после того, как сокровища эвакуируют, их ждет самое суровое наказание – расстрел. Да-да, я не оговорился. Эти ценности очень важны для Великой Германии.

– Слушаюсь, господин рейхсфюрер! – Фридрих щелкнул каблучками и вышел из кабинета.

Гиммлер снова снял очки, положил их на стол и потер руки. Он не сомневался, что его приказ будет выполнен. Они завладеют сокровищами. Сокровищами, которые всегда принадлежали им, германцам.

Поглощенный честолюбивыми мечтами, он тихонько рассмеялся и пригладил жидкие темные волосы.

Все его друзья и соратники считали, что Гиммлер обладал магическими знаниями и умел предсказывать будущее, однако они ошибались. Рейхсфюрер был обычным человеком, а вовсе не полубогом и поэтому не знал, что зондеркоманда вовремя попадет в Керчь, но его приказа не выполнит: сокровища будут увезены раньше.

Увезены в неизвестном направлении.

Глава 2

Белогорск, наши дни

Когда зазвонил будильник, противно и настойчиво, как всегда, Виталий Громов хлопнул его подушкой и, протирая заспанные глаза, поднялся и потянулся, кряхтя.

Вдруг, посмотрев на занавески ядовито-зеленого цвета – вот уже много лет он собирался поменять их, да все не хватало времени из-за проклятой работы (ну ничего, теперь точно поменяет), – Виталий ударил кулаком по кровати и расхохотался.

Вчера начальник наконец-то подписал заявление об увольнении, и капитан полиции Виталий Громов, в послужном списке которого значилось три громких раскрытых уголовных дела, отправился в свободное плавание.

Громов улыбнулся, вспомнив, как товарищ полковник сообщил ему, что он не прошел аттестацию.

Оба прекрасно понимали, что это неправда, что на его место метил племянник начальника криминальной полиции, вчерашний студент, которому дядя обещал теплое местечко. И хотя это место вовсе не было теплым – у Громова хватало головной боли, – Виталий знал, как работают некоторые «блатники».

Спору нет, среди них иногда попадались порядочные люди, старавшиеся не оставить от коллег, однако были и наглецы, редко посещавшие работу и державшие пальцы веером.

Кто займет место Громова, Виталия не интересовало. Пусть об этом беспокоится начальство. Он уже решил, чем будет заниматься дальше.

Раз государство не запрещает открывать частные детективные агентства, Громов попытается вклиниться в эту пока не очень заполненную нишу. Молодой человек даже присмотрел офис. Конечно, аренда обойдется ему недешево, но не принимать же посетителей в своей квартире. Собственный офис всегда придает солидность его нанимателю.

Что бы такое внести в дизайн, чтобы было еще солиднее? Виталий запустил руку в густые пшеничные волосы – этакую курчавую шапку, которая всегда трудно поддавалась расчесыванию, – и потянулся за джинсами, небрежно брошенными на стуле, собираясь принять душ и позавтракать, когда смартфон разразился мелодией Бетховена – фрагментом из «Лунной сонаты», так любимой его дядей Вадимом Сергеевичем Воронцовым, готовым слушать ее ежедневно часами.

Круглое розовощекое лицо Громова озарилось лучезарной улыбкой.

Дядя был для него всем, он взял Виталика к себе, когда его родители – военные врачи – погибли в Афганистане. Тогда еще была жива тетя Лиля, его жена, заменившая Громову мать, очень добрая, хлебосольная женщина, напоминавшая казачек: высокая, стройная, с толстой косой, оплетавшей голову. Их дочь, Света, походила на мать как две капли воды, сын Леня пошел в отца: те же льняные волосы, белая кожа, курносый нос, усыпанный мелкими шоколадными веснушками, пухлые губы и зеленые бирюзовые глаза.

Тетя Лиля никогда не подчеркивала разницу между родными детьми и племянником, и двоюродные братья и сестра чувствовали себя родными.

Дядя Вадик несколько раз предлагал Виталику, чтобы тот называл их с Лилей отцом и матерью, и мальчик честно пытался пару раз выговорить сокровенные слова, однако у него ничего не получилось. Большая фотография родителей, молодых и красивых, стоявшая на комод, мешала это сделать.

Нет, Вадим и Лиля – люди родные, спору нет, но не настоящие папа и мама. Об этом и сказал им Виталик, и Воронцовы поняли, не стали настаивать и ничуть не изменили своего отношения к племяннику. Виталий провел пальцем по большому экрану смартфона:

– Да, дядя Вадим!

– О, он уже не спит! – раздался бас Воронцова, и вся квартира будто наполнилась светлой музыкой. – Молодец! Я думал, дрыхнешь. Ты же теперь безработный.

– Дядя, мне всего тридцатник, если вы об этом помните, – усмехнулся Виталий. – А в такие годы безработными становятся те, кто очень хочет им быть. У меня же почти арендован офис. Впрочем, на эту тему мы с тобой уже разговаривали.

– Разговаривали, – согласился Воронцов. – И я еще раз тебе предлагаю свою помощь. У меня есть люди в Горсовете, готовые помочь. Давай я свяжусь с ними, и твой полковник приползет на брюхе, чтобы просить тебя вернуться. Что ни говори, а ты прирожденный сыщик. В полиции ты был на своем месте.

– Я с тобой совершенно согласен, – отозвался Громов. – И довожу до твоего сведения раз, наверное, в пятый, что не собираюсь бросать сыскное дело.

– Знаю, знаю, частный детектив, – Вадим Сергеевич произнес последнее слово немного презрительно.

Вероятно, эта профессия ассоциировалась у него с героями иностранных детективов. Правда, среди них не было идиотов, но они почему-то не внушали ему доверия – методы не те. Да и не уважает их никто, ибо нет заветных корочек: любой может указать на дверь, в то время как сотруднику полиции просто так на дверь не укажешь – чревато последствиями.

– Зря ты так, – обиженно проговорил Виталий. – За рубежом, между прочим, хороший частный детектив зарабатывает неплохо и ценится на вес золота.

– Не знаю, не знаю, – дядя начал сдаваться. – Мне кажется, и заказов у тебя стоящих не будет. Так, следить за женами-изменницами и такими же мужьями.

– Посмотрим, – философски отозвался Громов. – Ладно, закончим о работе, – резко прервал Вадим сам себя.

– Какие у тебя планы? Видишь ли, сегодня я хотел поехать в загородный дом к твоему деду. После его смерти я ни разу там не был: привык, что отец не жаловал в нем родственников, в том числе родного сына и внуков. Не хочешь составить мне компанию? Твои брат и сестра куда-то укатили с приятелями – в итоге я один как перст и, кроме тебя, попутчиков не намечается. Леня, правда, обещал составить нам компанию, но что-то подсказывает: в последний момент он соскочит. Так, едем?

– Спрашиваешь! – Одной рукой держа телефон, второй Виталий старался помочь себе запрыгнуть в джинсы, однако это ему плохо удавалось, и он опять опустился на кровать, жалобно скрипнувшую от его маневра.

– За тобой подъехать?

– Это был бы лучший вариант, – похвалил его Вадим. – Я собираюсь помянуть отца. Если тебе захочется ко мне присоединиться, можем там заночевать. Я взял чистое постельное белье.

– Идет. Жди. – Громов с облегчением бросил телефон на стол и, сунув наконец ноги в джинсы, отправился в ванную.

Вскоре уютно заурчал душ. Для Виталия это был ритуал – каждое утро принимать душ. Лежать в ванной, теплой или ледяной, – «отмокать», как выражался его приятель, он терпеть не мог. Такое, по его мнению, позволяли себе только бездельники.

А ему и покушать нормально не всегда удавалось. Так, перехватить бутерброд или пирожок с чаем – вот и вся еда. Хорошо если пирожок успеваешь доесть до половины. Иногда роковой звонок от начальника – и приходилось бежать на место преступления, несолоно хлебавши.

Интересно, частному детективу удастся вовремя заморить червячка?

Закончив с водными процедурами, Громов, замотанный в красное махровое полотенце, шлепая мокрыми ногами, прошел на кухню и открыл холодильник, продемонстрировавший ему типичный набор холостяка – пара яиц, остатки масла, неполная бутылка кефира и кусочек колбасы. «Пара яиц – это нормально, – прокомментировал Виталий, обращаясь к самому себе. – А кусок колбасы позволит вполне нормально поесть». Вскоре бедолаги-яйца скворчали на сковородке в компании накрошенной колбасы, а кофеварка возвещала о готовности его любимого напитка.

Среди коллег Громов всегда слыл кофеманом. Он смеялся над теми, кто утверждал, что от свежесваренного кофе поднимается давление, кружится голова, куда-то исчезает сон.

Виталий ничего подобного никогда не испытывал. Он мог выпить пять чашек с небольшим интервалом во времени, а потом спокойно рухнуть на кровать, чтобы оказаться в объятиях Морфея. Но если Громову по каким-то причинам не удавалось проглотить хотя бы полкружки кофе – настроение резко менялось. Бог сна становился очень назойливым, бедняга полицейский засыпал на ходу, вызывая раздражение товарищей, и они терпеливо ждали, пока Виталий, как они выражались, «возьмет кофейную дозу» и снова станет работоспособным.

Вот и сейчас, запив яичницу двумя чашками крепкого черного кофе, в который не полагалось добавлять ни молока, ни сахара, будущий частный детектив почувствовал себя человеком. Он быстро оделся, радуясь, что на дворе весна и, кроме брюк и рубашки, вполне достаточно легкой кожаной куртки, взял с полки ключ от машины и бодрым шагом вышел на улицу.

Синий десятилетний «Фольксваген», не старый и не новый по российским меркам, являлся предметом его гордости.

Разумеется, в глубине души Громов мечтал о новой машине, грациозной «Тойоте Камри» черного цвета с искоркой и автоматической коробкой передач (такую он видел во дворе соседнего дома), однако зарплата полицейского, не бравшего взяток, позволяла лишь грезить о такой красавице.

«Мечтать не вредно, – философски размышлял Громов, садясь на водительское сиденье. – «Фольксваген» вполне приличная машинка, у многих и такой нет. Вон сосед по лестничной площадке рассекает на старом «Москвиче» и вполне доволен жизнью. Новая машина – дело наживное. Вот пойдут хорошо дела в агентстве...»

Виталий так замечтался, что чуть не проехал на красный свет. Он с раздражением взглянул на светофор, неподалеку от которого красовалось изображение камеры.

«Засекли, – подумал он, злясь почему-то на ГИБДД, – теперь жди «письмо счастья».

Лишние расходы сейчас никак не входили в его планы. Расчетные деньги потратятся быстро, хотя бы на обстановку офиса. Третий из них он уже угробил на рекламы в газетах. А новые поступления... Когда он их заработает? Вот почему за рулем нужно быть предельно аккуратным.

Снизив скорость почти до пятидесяти километров в час, он поехал к дому дяди – аккуратному трехэтажному особнячку из красного кирпича с флигелем, выглядивавшему из-за крепкого железного забора.

От бранных мыслей о трудовых доходах Громов переключился на деда, дожившего почти до девяноста восьми лет, полковника КГБ Сергея Лаврентьевича Воронцова.

Возможно, он прожил бы и дольше, однако, решив отремонтировать крышу, вскарабкался на второй этаж. Под тяжестью старика обломилась гнилая перекладина на выдавшей виды лестнице, и он рухнул вниз, ударившись виском о кирпич.

Со смертью деда Виталий почему-то почувствовал себя более осиротевшим. Может быть, дело в том, что быть внуком и сыном – вещи все-таки разные?

Слово «бабушка» звучит более мягко, чем «мама», бабушки и дедушки любят внуков больше, чем любили собственных детей.

К сожалению, бабушку Федосью Виталий помнил плохо. Маленькая, суетливая, она радовалась приходу внуков и всегда готовила что-то необыкновенно вкусное: пирожки с ливером, таявшие во рту, пирог с абрикосом, который называла почему-то «Дамский каприз», самолепные сибирские пельмени и вареники с вишней.

Дети уплетали угощения за обе щеки, приезд к бабушке был для них ритуалом, праздником, который они ждали с нетерпением, как Новый год. Но любая сказка заканчивается, порой печально, хотя этот жанр и не предполагает печальных концов.

Однажды взволнованная заплаканная мама с красными глазами и щеками, захлебываясь слезами, сообщила, что бабушки больше нет. Обширный инфаркт.

Потом Виталий узнал от дяди, что старушку (впрочем, не такую уже и старушку по нынешним меркам – всего шестьдесят лет) погубило людское равнодушие.

Бабушка Федосья отправилась в магазин за содой, чтобы приготовить любимый пирог к приходу внуков, почувствовала себя плохо и присела на скамейку, откинув голову на спинку и закрыв глаза.

Вероятно, вскоре она потеряла сознание, но долгое время прохожие равнодушно сновали мимо, не задумываясь, что, вероятно, требуется помощь бабуле, пока одна из соседок, тоже решившая прогуляться в магазин, не обнаружила ее, уже мертвую, с посиневшими губами.

Смерть жены подкосила деда. Он стал более угрюмым, неразговорчивым, а когда погибли родители Виталия, и вовсе зажил отшельником. На дачном участке за городом вместо одноэтажной хибары Сергей Лаврентьевич выстроил двухэтажный деревянный дом, можно сказать, своими руками, не допуская рабочих и отказавшись от помощи сына, бизнес которого в ту пору пошел в гору.

Закончив строительство, дед предупредил сына и его жену, чтобы его не беспокоили: если нужно, он сам даст о себе знать, и будто откололся, отгородился от семьи, только не железным забором, а стеной отчуждения.

Сергей Лаврентьевич приходил в неистовство, если родной сын являлся без приглашения, внуки вообще были редкими гостями в его келье, и даже, когда дом потребовал ремонта, не взял от Вадима ни копейки, предпочитая с утра до ночи латать, пилить, красить, клепать...

Однако жилище продолжало потихоньку разрушаться, как огромное воронье гнездо с порывами ветра: по бревнышку, по веточке, по черепичке...

Но бывший полковник не сдавался, по-прежнему запретив родственникам появляться в его «лачуге», как он называл дачный дом.

Виталию это казалось странным, но он не считал себя психологом и все списывал на горести, которые его деду пришлось претерпеть в жизни: война, смерть жены, потом дочери с зятем... Тут кто угодно слетит с катушек...

Несмотря ни на что, он любил деда и привык, что остается чьим-то внуком: это по-особенному грело душу. Гнилая лестница изменила его судьбу: теперь Громов не был ни внуком, ни сыном.

Дядя говорил, что ему давно пора жениться, и девушки попадались хорошие, а бывший полицейский все медлил. Кто знает, может, он искал похожую на мать или бабушку?

Недавно пришлось расстаться с Надеждой, врачом-хирургом, довольно симпатичной рыжеволосой дамой, которая поставила вопрос ребром: либо женимся, либо расстаемся.

Громов, как одессит (хотя и в Одессе ни разу не был), ответил уклончиво, «шоб да так нет», но Надежда, как хирург, привыкшая не лечить, а отсекавать больные части тела, чтобы потом становилось легче, выбрала второе.

– В конце концов, у тебя есть мой телефон, – отрывисто сказала она и тряхнула рыжей гривой. – Если передумаешь – звони.

Он часто хотел позвонить, но решил, что это лишнее.

Надежда права: лучше сразу отрезать больные части. Женщина ему не подходит, он ей тоже – зачем давать напрасные надежды? Но иногда чертовски хотелось позвонить бывшей возлюбленной, выслушать добрый совет, прижаться к полным губам и почувствовать жар ее тела...

Трудно сопротивляться зову плоти.

В таких мыслях Громов выехал на дорожку, не похожую на другие, обычные городские, гладкую, без единой выбоины – что делать, район тех, кто надежно скрывался от посторонних глаз за оградами и электронными воротами, купаясь в бассейнах с кристально чистой водой и вытираясь полотенцами, чистыми, как нетронутый снег на вершине Эльбруса, – и, подрулив к дому Вадима Сергеевича, остановился возле железного забора. Калитка не была заперта и не охранялась: дядя ждал его.

Он стоял на дорожке, выложенной серым булыжником (говорят, экологически чистым), и улыбался, показывая великолепные зубы.

В свои пятьдесят он выглядел на тридцать пять – сорок, подтверждая рекламу (правда, для женщин), что такие чудеса случаются.

– О, кого я вижу! – Он распахнул объятия, принимая племянника. – Будущий Ниро Вульф! Мне что, на твой день рождения теперь дарить тебе заморские орхидеи?

– Ты же терпеть не мог детективы, – усмехнулся Громов.

– Просто ты многого обо мне не знал, нам некогда было откровенничать, пока ты занимался трупами. – Дядя повел его к машине. – Поедем на твоей.

– Не возражаю, мы же договорились. Как мои брат и сестра? – Виталий бегло оглядел участок и лесенку перед домом, но нигде не увидел Леонида и Светлану.

– О, прекрасно, – отозвался Вадим Сергеевич. – Светка убежала на курсы вождения, устроив мне истерику про мое досадное упущение: все ее подруги давно за рулем. Раньше она была без ума от своего байка и довольна жизнью, теперь подавай авто. А Леонид... В это время он должен был уже подъехать... Кстати, вот и мой сын собственной персоной.

Черный «Мерседес» последней модели, элегантный, как рояль, подрулил к дому, и брат Леонид, такой же высокий и стройный, как его отец, с такими же льняными волосами и зелеными глазами, вышел из машины.

– Привет! – Он радостно пожал руку Виталию и похлопал его по плечу: – Рад тебя видеть. Отец, я сдержал обещание, но к деду не поеду.

Вадим Сергеевич нахмурился. Морщины глубокими колеями залегли на его гладком лбу. Он не любил, когда кто-то не держал обещания.

– Это почему?

– Да потому что... – Зеленые глаза брата сияли, как изумруды. – Потому что я встретил сегодня девушку... Сногшибательную девушку, какая бывает только в романах. Мне кажется, я мечтал о такой всю жизнь, и сейчас у нас свидание. Надо успеть привести себя в порядок, так что не обессудьте... – Леонид хлопнул в ладоши и озорно улыбнулся: – В ближайшее время я вас с ней познакомлю! – Парень толкнул локтем двоюродного брата. – А у тебя, детектив, почему такой кислый вид? Знаю, ты расстался со своей пассией. Не плачь, вдруг у моей феи есть подруга, такая же необыкновенная, как она?

– Как зовут твою фею? – без интереса спросил Виталий, чтобы как-то отреагировать на эмоции брата. Леонид закатил глаза так, что стали видны синеватые белки:

– У нее прелестное имя – Илона.

– Главное, редкое, – фыркнул Вадим Сергеевич и повел Виталия к машине. – Ладно, обойдемся без тебя. Ты влюблен и потому нам сегодня бесполезен.

– Это верно. – Леонид махнул на прощание и легкой походкой направился к дому.

Отец с любовью понаблюдал за ним несколько секунд.

– Повезло мне с парнем, – с гордостью проговорил Воронцов. – Отличник, в школе и в университете. Прекрасные мозги. Уже сейчас он помогает мне в бизнесе. Да что там говорить? Леня – моя правая рука, несмотря на то, что еще студент. Да и Светка не приносит мне огорчений. – Он уселся рядом с Виталием. – Правда, в отличие от своих братьев не такая разборчивая в связях – через день новый парень, и каждый последующий хуже предыдущего. Ей будет трудно выйти замуж, и это меня беспокоит.

– Вот увидите, она не задержится. – Громов резко развернул машину в направлении дачного кооператива. – Красивая девчонка с богатым папой – мечта любого парня.

– Вот это и плохо, – буркнул дядя. – Мне не нужен зять-альфонс. А она, похоже, хочет преподнести мне именно этот сюрприз в знак протеста. Ох, – он вздохнул тяжело, как-то по-стариковски. – Не мне тебе жаловаться, как трудно без женщины. Но не мог, не мог я жениться после смерти Лилечки... – Вадим Сергеевич всхлипнул и тут же, будто устыдившись своей слабости, дернул плечом: – Ладно, будем надеяться на лучшее. Вот мы и приехали.

Виталий припарковал машину возле деревянного, крашенного синей облупившейся краской покосившегося забора. Мужчины вышли из автомобиля, и Вадим Сергеевич дернул калитку.

На удивление Громова, она не поддалась, крепкий, хоть и ржавый, замок держал ее на совесть, создавая контраст между ветхим ограждением и прочным запором. Дядя достал ключ, прокрутил два раза, и калитка, распахнув свои объятия, встретила родственников покойного траурным скрипом.

Воронцов помрачнел, словно услышал реквием по покойному отцу.

– Заходи, – пригласил он племянника, топтавшегося на пороге. – Давно здесь не был?

– Давно, – признался Громов. – Дед меня не приглашал, а сам, без приглашения, я явиться не решался. Боялся его, что ли... Хотя чего бояться... За всю жизнь он не сказал мне ни одного грубого слова... Впрочем, и хорошего мало говорил. После смерти бабушки дед почти не интересовался мною.

– Думаешь, он интересовался Леной или Светой? – усмехнулся Вадим. – Ей-богу, не более чем тобой. Мне вообще непонятно его уединение. И что хорошего сидеть в этом деревянном срубе с удобствами на улице и смотреть в окошко, как мимо проходят дачники или местные жители?

– Нам с тобой этого не понять. – Виталий подошел к дому.

Лачуга почернела от времени, и маленькое окошко с еврорамами выглядело как карикатура, как золотое обрамление входа в старый скворечник.

– Да, дом нуждался в ремонте.

– Думаешь, я это ему не говорил? – буркнул Воронцов. – И личную помощь предлагал, и бригаду рабочих собирался оплатить. Закончилось все знаешь чем?

– Полагаю, – улыбнулся Виталий.

– Да, он меня послал далеко и конкретно. – Воронцов покраснел. – Представляешь, пожилой солидный человек, полковник... С тех пор я ему не навязывался, как, впрочем, и он мне. А дом продолжал разваливаться, – констатировал Громов и подошел к длинной лестнице, лежавшей на земле, как черный скелет.

Наверное, по ней дед вскарабкался на крышу, не в силах терпеть течь (что она протекала, у Громова не было никаких сомнений), ветхая перекидина, как назло, третья сверху, сломалась, и он рухнул на землю, ударившись виском вон о тот позеленевший кирпич. Впрочем, если бы не ударился, вряд ли выжил. Все же почти под стольник.

Виталий сел на корточки возле сломанной перекидины, осторожно, рискуя подцепить занозу, провел рукой по шершавой поверхности и вздрогнул.

– Дядя, подойди сюда! – позвал он Воронцова, пытавшегося приделать к окну отвалившийся ставень.

– Ну, что там у тебя? – Вадим Сергеевич присел рядом с ним. – Чем тебя поразила эта рухлядь? Тем, что сломалась всего одна перекладина?

– Она не сломалась. – Виталий выпрямился и взглянул дяде прямо в глаза: – Ее подпилили. Вот, посмотри, – он еще раз провел рукой по шершавому дереву. – Если бы перекладина сломалась, концы были бы неровными, как в таком случае. – Громов взял сухую веточку, невесть как оказавшуюся в огороде, и сломал без напряжения, морщась от пыли, разлетевшейся в разные стороны. – Видишь? Концы разлома неровные. А что мы имеем здесь? Края ровные почти до середины, даже больше.

Вадим Сергеевич заморгал:

– Ерунда какая-то. Хочешь сказать, что кто-то сделал это специально?

Громов кивнул, пнув ногой толстый ствол жирного зеленого сорняка, вскормленного перегноем и дождями. Если бы дед был жив, этот красавчик давно бы лежал в перегнойной яме. Воронцов подскочил, как подстреленная птица, и схватил племянника за локти:

– Но это... Это означает, что его убили.

– Да, – твердо ответил Виталий. Нагнувшись, он поднял пилу, прятанную в сорняках. – А это, похоже, орудие преступления. – Он осмотрел зубья, состаренные временем, потерявшие остроту, но все же способные перепилить жалкую перекладину. – Кстати, несмотря на дожди, здесь еще осталось немного опилок. – Частный детектив осторожно соскреб их и спрятал в полиэтиленовый пакетик, который всегда носил с собой. – Мои ребята вмиг докажут тебе, что опилки с этой перекладины.

– А если отец пилил лестницу? – Сказав это, Воронцов поперхнулся и закашлялся.

Предположение показалось ему нелепым, но возразить племяннику по-иному не получалось. И все же это выглядело глупым...

Кому понадобилось убивать столетнего деда, тихо и мирно доживавшего свои дни в ветхой лачужке – точно как у Пушкина!

– Дядя, тебе стыдно от той глупости, которую ты говоришь. – Виталий вздохнул: – Скоро ты подведешь меня к мысли, что таким образом мой бедный дед покончил с собой.

– Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать, – парировал Воронцов и ущипнул себя за мочку уха. Привычка, от которой он никак не мог избавиться, как ни странно, успокаивала.

– Я хочу сказать лишь то, что пожилой, подчеркну – очень пожилой, человек вряд ли заинтересовал кого бы то ни было. Зачем кому-то его убивать? Чтобы ограбить? Давай пройдем в дом.

Он положил руку на широкое плечо племянника, и мужчины вошли в ветхое жилище. Оба знали, что Сергей Лаврентьевич был очень аккуратным и маниакально следил за чистотой. Все предметы – а их раз, два и обчелся – лежали на своих местах. На столе красовалась ваза с искусственными розами, сделанными из бисера, которые когда-то бабушка создала собственными руками. Она вообще была большая рукодельница. На стене висела бисерная, слегка потускневшая картина – обычный деревенский пейзаж: пруд, подернутый тиной, пасущиеся на лугу коровы и пастух, развалившийся под невысоким деревцем с пышной изумрудной кроной. На книжной полке стояли книги – корешок к корешку. Панцирная кровать с тремя высокими подушками аккуратно заправлена немного выцветшим покрывалом в цветочек.

В другой, маленькой комнате, на втором этаже, тоже стояла кровать, только деревянная, с одним матрасом, возле нее – стул и тумбочка, на которой пылилась черная лакированная шкатулка. Посередине комнаты хозяин поставил таз, и это подтвердило предположения, что крыша действительно протекала.

– Так я и думал. – Воронцов опустил голову, и Виталий понял, о чем хотел сказать его дядя.

Все лежало на своих местах, не было разбросано, а это означало, что никто не проникал в дом с целью ограбления, следовательно, старик, ветеран Великой Отечественной не мог заин-

тересовать воров. Получается, версия с подпиленной перекладиной не лезла ни в какие ворота. И все же Громов готов был поклясться, что кто-то подпилил ее. Но с какой целью?

– Ну что, признаешь ошибку, частный детектив? – насмешливо поинтересовался дядя. – С чего вдруг кому-то убивать моего отца? Кстати, наиболее заинтересованные в его смерти – родственники, то есть и мы с тобой. Клянусь, я этого не делал, потому что старый деревянный сруб мне не нужен. Слушай! – Его голубые глаза загорелись, и он крепко сжал руку племянника: – Может, это сделал ты? Может, на участке отца нашли нефть и тебе предложили за него огромные деньги?

– Дядя, не юродствуй, – Виталий нахмурил тонкие русые брови. – Если эксперты признают, что на пиле частицы материала лестницы, придется проводить расследование.

– Потом, – отмахнулся Воронцов. – В смысле, о твоих фантазиях. – Вадим Сергеевич с любовью взял в руки шкатулку и, погладив ее гляцевую поверхность, увы, чуть подпорченную временем, открыл, с грустью заметив: – Письма... Виталик, тут все письма, понимаешь? И мои, и Лиличкины, и твоих родителей... Странно, что он хранил их долгие годы и, наверное, перечитывал. Я знаю, зимой отец спал в этой комнате, на втором этаже. Получается, шкатулка стояла у изголовья кровати. И он читал их... А я давно считал его очерствевшим...

Громов посмотрел на тумбочку, серебристую от пыли, потом на шкатулку, и привычный холодок пробежал по его спине. Так всегда происходило, когда бывший полицейский замечал какую-то деталь... Деталь, не вписывавшуюся в интерьер. Но что здесь не так? Шкатулка как шкатулка, тумбочка как тумбочка...

Все на своих местах, даже письма аккуратно разложены в две стопочки. Наверное, это имело какое-то значение для деда. Вадим Сергеевич бросил шкатулку в полиэтиленовый пакет с безвкусными розами, который прихватил на всякий пожарный.

– Почитаю дома, поплачу, – произнес он сорвавшимся голосом, собираясь еще что-то добавить, но его огромный смартфон вдруг разразился джазовой мелодией Армстронга, показавшейся неуместной в келье пожилого затворника. – Слушаю, – отрывисто, по-деловому отозвался Воронцов и вдруг прерывисто задыхался и покачивался, ловя ртом воздух.

Виталий, не понимая, в чем дело, подбежал к дяде, ноги которого подкашивались, а лицо бледнело на глазах, и помог ему сесть на колченогий табурет.

– Этого не может быть... – Теперь Вадим Сергеевич не говорил – лепетал, безжизненно опустив левую, свободную руку. – Это ошибка. Саня, ну, скажи, что это ошибка... Наверняка плохо посмотрели документы... Я не верю, не верю ни единому слову. Да, буду немедленно. – Он небрежно сунул смартфон в карман и посмотрел на племянника. Его голубые глаза напоминали два бездонных озера. В покрасневших уголках показались слезинки. Он выглядел растерянным, даже не растерянным, а потерявшимся, и Виталий с тревогой дотронулся до его плеча:

– Что случилось, дядя? Кто звонил?

Вадим Сергеевич закрыл лицо руками и прошептал:

– Леня... Ленечка... Звонил мой заместитель Александр Торопов, ну, ты его знаешь. Машину Лени нашли на окраине города вместе с Леной... – Он сторбился и всхлипнул: – Мертвым Леной, понимаешь? Следователь сообщил, что он умер от передоза.

Виталий стукнул кулаком по столу и тряхнул курчавой гривой:

– Дядя, вы правы, этого не может быть. Леня никогда не принимал наркотики. За это я ручаюсь головой. Этих проклятых наркоманов я навидался, когда работал в отделе. И поэтому голову даю на отсечение, что следователь ошибся. Скорее всего, труп тоже не Лени.

– Документы... – прошамкал несчастный Воронцов. – У трупа в кармане документы Ленечки.

– И такое бывало в моей практике, – пытался успокоить его Громов. – Судя по всему, какой-то наркоман угнал Ленину машину и скончался в ней от передоза. Скорее всего, это произошло недалеко от ресторана, куда Леня повел свою девушку. Ты помнишь? Сегодня он

собирался на свидание. По его описанию девушка тоже не выглядела наркоманкой. Так что ты не волнуйся. Мы немедленно поедem в отдел и все выясним.

Слова Виталия придали Воронцову бодрости. Он вскочил на ноги, смахнув слезу, оставившую борозду на щеке.

– Да, ты прав. Нужно поторопиться.

Родственники почти сбежали к машине, чуть не забыв запереть дверь дома и калитку. Громов, кусая губы от напряжения, вдавил педаль газа, и «Фольксваген» рванул с места.

Глава 3

Крым, Керчь, 1941 год

Директор Керченского историко-археологического музея Юрий Юрьевич Мартинято, высокий лысоватый мужчина лет пятидесяти, с густыми черными бровями, придававшими его лицу суровое выражение (ему говорили: если бы не они, он был бы точной копией вождя пролетариата, только не картавил), срочно собрал коллег.

В основном в его коллективе работали женщины, исключая разве что сторожа и двух-трех историков, надеявшихся написать диссертации и уповавшие на музейные документы и ценности.

Все явились в большой зал, где старинные экспонаты лежали в беспорядке, готовясь к эвакуации. На лицах присутствующих читались удивление и отчаяние. Никто из них до последнего не верил, что немцы продвигнутся так далеко в глубь страны, что вот-вот займут Крым и что война не закончится за несколько недель.

Мартинято, кусая полные губы, долго собирался с мыслями. Ему хотелось сказать людям, с которыми он проработал не один день, считая их добросовестными, настоящими музейными работниками, теплые слова, но в горле застрял ком, и он закашлялся, а потом, усилием воли взяв себя в руки, с трудом произнес:

– Товарищи... коллеги... друзья... Враг топчет нашу землю. Скоро кто-то будет вынужден уехать в тыл... Музей закроется на неопределенное время. Хочется думать, ненадолго, но обнадеживать вас я не хочу. И сейчас наша с вами задача – спасти бесценные экспонаты. В нашей коллекции есть такие, которые нуждаются в немедленной эвакуации. Прежде всего это сокровища готов.

Люди закивали, тихо переговариваясь. Каждый из них был незаменимым работником и знал наизусть каждый экспонат.

Почему-то Юрий Юрьевич вспомнил, как возник его музей...

Двести лет назад, в 1810 году, в Керчи решили собрать реликвии былых времен – и появился частный музей древностей Поля Дебрюкса.

Его коллекция через шестнадцать лет стала основой современного историко-археологического музея. Что-то, конечно, растворилось в вихрях Гражданской войны, в первые десятилетия XX века, но часть удалось сохранить, и даже приумножить. И это благодаря людям, с которыми многие годы Юрий Юрьевич работал бок о бок. Его мысли снова вернулись к коллекции древних готов. Семьсот предметов – от монет до диадемы, каждый из чистого золота!

Крестьянин села Марфовка Семен Нешев случайно нашел их неподалеку от Керчи. По счастью, он оказался честным человеком и все отдал государству.

Находку оценили в десять миллионов долларов и поместили в Керченский музей. Специалисты сделали вывод: Нешев наткнулся на могилу, в которой покоилась персона благородных кровей, может быть, даже царица Федея.

Благодаря сокровищам готов маленький, ничем не примечательный музей сразу стал известен на весь мир.

Разумеется, властители Третьего рейха положили на них глаз... Еще бы! Готы ведь, как они считали, представители арийской расы. Но нет, фашисты ни в коем случае не получают древнее золото, даже если ради этого придется отдать жизнь.

– Что нам нужно сделать? – спросила Федосья Акимовна, научный сотрудник музея, пожилая женщина с редкими седыми волосами, отдавшая музею, как она сама говорила, половину жизни.

Коллеги знали: каждый экспонат был для нее детищем, Федосья Акимовна холила и лелеяла музейные редкости, как родных детей, порой даже разговаривала с ними, гладила, прижимала к себе... и в эти трудные дни старалась придумать, как спасти все.

– Прежде всего нам нужно позаботиться о готской коллекции, – пояснил Юрий Юрьевич, тяжело вздохнув. – Всем известно, в чем заключается ее особая ценность. Поэтому сейчас к нам придут высокие чины, вместе с которыми будет составлена опись коллекции, мы сложим все в ящик, опечатаем и отправим в Тамань. Надеюсь, сама готская царица поможет нам сохранить экспонаты. – Он снова вздохнул, вспоминая рассказы очевидцев о том, что происходит в Керченском проливе.

Разумеется, ценности пристроят на какой-нибудь корабль, а по ним нещадно будет бить фашистская авиация.

– Что же мы будем делать с другими экспонатами? – подал голос недавний студент Петр Родионов, никак не выглядевший на свои двадцать три года – мальчишка мальчишкой: озорной блеск в карих глазах, непослушная челка, свисавшая на широкий лоб, долговязая нескладная фигура...

– Да, что? – В обсуждение включился Николай Генрихович Лепке, маленький плешивый тщедушный человек с глазками болотного цвета, переехавший в Крым из Прибалтики. В коллективе его не любили, считали «себе на уме», но, впрочем, не могли не уважать за профессионализм. Кандидат исторических наук, он знал о готах все или почти все. В этой области ему не было равных. Когда-то в мирные времена с ним консультировались немцы... Когда-то... А теперь орда оголтелых фашистов двигалась к полуострову.

Мартинято немного помолчал, прежде чем ответить, потому что конкретного ответа у директора не было. Может быть, обстановку прояснят высокие гости, которые должны явиться с минуты на минуту?

– Думаю, и их эвакуируем, но позже, – успокоил он парня. – Давайте сначала разберемся с более ценным грузом.

Когда вахтерша тетя Глаша, с испуганным лицом вбежав в зал, возвестила о приходе гостей, Юрий Юрьевич приосанился и поправил безукоризненно завязанный галстук. Он заметно нервничал.

– Я прошу всех разойтись по рабочим местам, – приказал он сурово. – И не беспокоить меня, пока из моего кабинета не выйдут все.

Работники молча покинули зал, вернувшись к папкам с документами.

Мартинято, будто мальчишка, прытко побежал к дверям, где его уже ждали. Он знал не всех, разве что двух товарищей из горисполкома: Ивана Васильевича Горевого, державшего большой черный чемодан, и Бориса Степановича Яблокова – с ними иногда приходилось встречаться. Трое военных с генеральскими погонами были ему незнакомы.

Поздоровавшись, они протянули руки для рукопожатия, и он пожал каждую дрожащей ладонью.

Иван Васильевич, как всегда, в строгом черном костюме, в белой рубашке и при галстуке, представил генералов, но от волнения Юрий Юрьевич не запомнил их имена и отчества.

– Полагаю, лучше пройти в мой кабинет. – Язык Мартинято заплетался под суровыми взглядами гостей.

– Да, так будет лучше, – согласился Яблоков.

Директорский кабинет находился на первом этаже. Гости торопливо прошествовали к нему по красной ковровой дорожке.

Иван Васильевич потянул носом:

– Всегда удивлялся, почему во всех музеях особый запах... Вот у вас пахнет, как в галерее Айвазовского, хотя картин вроде нет.

– Наверное, документы тоже пахнут. – Юрий Юрьевич попробовал улыбнуться и распахнул дверь: – Заходите, товарищи.

Сокровища, завернутые в оберточную бумагу, уже лежали на диване.

Юрий Юрьевич порадовался, что стульев хватило для всех.

– Закройте кабинет на ключ, – приказал Иван Васильевич и, когда Мартинято выполнил приказ, бесстрастно спросил: – Скажите, все ли работники знают, что именно в данной коллекции, и могут перечислить предметы по пальцам?

– Каждый работник знает в общих деталях, что включает в себя готская коллекция, но назвать каждый предмет... Нет, этого не сделает никто, даже я, – заключил он.

Один из генералов, показавшийся Мартинято самым молодым – не более сорока, – провел указательным пальцем по длинному хрящеватому носу.

– Отлично. Вы должны понимать, почему Иван Васильевич задал вам такой вопрос, товарищ Мартинято. Сейчас мы составим опись, уложим все в этот чемодан, опломбируем и отправим в Тамань. У этой описи не будет копии.

Юрий Юрьевич кивнул.

Только шесть человек посвящаются в тайну сокровищ царицы Федеи – так музейные работники иногда называли коллекцию. И никакая копия тут не нужна: она может затеряться, остаться в музее и попасть в руки немцам.

– А еще вы должны понимать, что отныне храните государственную тайну, – продолжал вещать генерал. – Это будет спецгруз под номером пятнадцать. – Последняя фраза прозвучала злоеце, и Мартинято поежился. Он вспомнил черные «воронки», которых так боялись в тридцатые годы.

– Разумеется, вы всецело можете доверять мне, – сказал Юрий Юрьевич как можно убедительнее.

– Товарищи, не будем терять время, – вмешался Яблоков.

И они приступили к делу.

Каждая монета, каждая цепочка были осмотрены, записаны и уложены в чемодан. Гости не спускали глаз с золотых бляшек с изображением воинов, пьющих вино, с золотых масок, бус, поясов из золотых и серебряных пластин, серег, колец, перстней с изображением грифонов и прекрасной диадемы, украшенной гранатами, словно каплями крови, головного убора царицы Федеи.

Коллекция произвела на них впечатление – это было ясно как день.

Тучный Горовой поминутно вытирал платком потный лоб, все дружно отказались от чая, когда Мартинято предложил им передохнуть. Враг наступал, где-то, может быть совсем недалеко, шли кровопролитные бои. И надо было успеть...

Когда последняя золотая вещьца нашла свое место в недрах огромного фанерного чемодана, обитого черным дерматином, мужчины положили туда опись, перетянули ремнями, опломбировали и облегченно вздохнули.

– На сегодня все, Юрий Юрьевич. – Молодой генерал с хрящеватым носом подошел к окну. – Надо же, я и не заметил, как наступила ночь. Славно поработали.

– Но от чая все равно отказываемся, – встрял Горовой. – Завтра у вас, Юрий Юрьевич, тяжелый день. В пять утра за вами придет машина, и вы отправитесь в керченский порт. Для черного чемодана приготовлен специальный катер. Сопровождают груз до Тамани и даже, возможно, до Армавира и там передать коллегам придется вам.

Мартинято ни одним мускулом не выдал охватившее его сильное волнение. Возможно, завтра ему суждено погибнуть. Но это будет красивая смерть, хоть и не на полях сражений. Он погибнет, спасая народное достояние, которое не должно достаться фашистам. Выпу-

стив из кабинета гостей, унесших черный чемодан, получивший название «Спецгруз № 15», он запер кабинет и пошел домой, думая о том, что жена ни в коем случае не должна ничего знать. У нее больное сердце. Зачем заранее пугать человека? Вдруг все обойдется?

– Юрий Юрьевич, так что же решили с коллекцией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.